

ПИСЬМО ИЗ ЗОНЫ

СЕРЬЕЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СО ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ

Позавчера, 15 февраля, на сайте Казахстанского бюро по правам человека, возглавляемого осужденным Евгением Жовтисом, открылся его правозащитный блог. В первой на блоге публикации Евгений Александрович анализирует события по делу также осужденного журналиста Рамазана Есергеева, ссылаясь в качестве исходной точки на прочитанную им на зоне публикацию нашей газеты.

В газете «ДАТ» за 3 февраля 2010 г. опубликован материал «Почему прокуратура пугается журналиста?», в котором ставятся вопросы, связанные с переводом Рамазана Есергеева в колонию-поселение и его условно-досрочном освобождении.

Казалось бы, все должно быть прописано в законодательстве. Имеет осужденный право на перевод в колонию-поселение или на условно-досрочное освобождение, администрация учреждения, где он содержится, должна рассмотреть его вопрос и, применив ту или иную правовую норму, на основе объективных, не позволяющих вольной интерпретации критериев, принять обоснованное решение.

Однако, к сожалению, и с правовыми нормами, и с объективными критериями, и с обоснованными решениями, и иногда даже со здравым смыслом в таких ситуациях существуют серьезные проблемы.

Рассмотрим это на примере ситуации с Рамазаном. Он был задержан и помещен под стражу 6 января 2009 г. Затем в течение нескольких месяцев шло следствие, затем суд первой инстанции рассматривал уголовное дело, потом – процесс апелляционного обжалования, далее приговор вошел в законную силу, и, наконец, 15 декабря 2009 г. Р.Есергеев был этапирован в колонию общего режима для отбывания наказания. До этого, в течение почти года, с 6 января по 15 декабря 2009 г. он содержался в СИЗО ДКНБ по Жамбылской области.

И здесь возникает первый вопрос. Р.Есергеев обвинялся и был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 172 УК РК к 3 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Я не буду здесь останавливаться на обоснованности обвинений и законности осуждения. Так вот, Р.Есергеев из 3 лет лишения свободы почти год уже провел в следственном изоляторе. Условия следственного изолятора – это тюремные условия, это условия «крытки», «крытой тюрьмы» на сленге заключенных. Но Р.Есергеев был приговорен не к содержанию в тюрьме, а к содержанию в колонии общего режима, где условия значительно более мягкие.

В советское время такая разница в условиях считалась как день за три. В нашем законодательстве по этому поводу ничего нет. Поэтому осужденные к лишению свободы с содержанием в колонии общего режима или даже в колонии-поселении от нескольких месяцев до года, а то и больше, проводят в учреждении камерного закрытого типа, по существу – в тюрьме. То есть, Рамазан почти треть своего срока отбыл в тюремных условиях вместо условий общего режима.

Преступление, предусмотренное частью 1 статьи 172 УК РК, за совершение которого был осужден Рамазан, относится к преступлениям средней тяжести.

Согласно части 2 статьи 73 УИК РК осужденный, содержащийся в колонии общего режима за совершение преступления средней тяжести, может быть переведен в колонию-поселение после отбытия не менее одной четверти срока наказания. Осуществив несложные арифметические расчеты, можно подсчитать, что Рамазан имеет право быть переведенным в колонию-поселение после 5 октября 2009 года. Тогда, на первый взгляд, непонятно, откуда взялась в письме одного из руководителей Комитета уголовно-исполнительной системы другая дата – 15 июня 2010 года. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что согласно ч. 4 ст. 70 УК РК для решения, например, вопроса об условно-досрочном освобождении необходимо, чтобы осужденный отбыл фактически не менее шести месяцев лишения свободы.

А дальше возникает второй вопрос. Что считается фактически отбытым сроком лишения свободы? Точнее, где срок лишения свободы считается отбытым? Так вот, в Комитете уголовно-исполнительной системы, видимо, полагают, что это срок отбывания наказания в колонии соответствующего режима. То есть, если Р.Есергеева 15 декабря 2009 г. перевели из СИЗО ДКНБ в колонию общего режима, то и нужно с этой даты считать шесть месяцев для решения любого вопроса: хоть об условно-досрочном освобождении, хоть о переводе в колонию-поселение.

Выходит, все время, проведенное под стражей в следственном изоляторе, как бы не считается. Нет, конечно, оно считается при исчислении срока отбывания наказания, но получается, не считается, когда речь идет об условно-досрочном освобождении. Хотя, по существу, осужденный, пусть и в статусе обвиняемого, подсудимого, потом осужденного, до этапирования в колонию находится под стражей, соблюдает строгий режим в учреждении, входящем в уголовно-исполнительную систему. Режим, намного более строгий, чем, например, в колонии-поселении или колонии общего или даже строгого режима.

В результате лицо, вовлеченное в орбиту уголовного преследования и содержащееся под стражей, оказывается в неопределенном правовом положении. С одной стороны, время нахождения в следственном изоляторе засчитывается в срок отбывания наказания к лишению свободы, а с другой – чем дольше находишься в СИЗО, тем позже появится возможность перевода на режим с более облегченными условиями и условно-досрочного освобождения.

Получается, чем быстрее пройдет следствие и суд, чем быстрее осужденный будет этапирован в исправительное учреждение, тем быстрее можно, при примерном поведении, рассчитывать на перевод в другое ИУ или на УДО. И, соответственно, наоборот.

Понятно, что это нелогично, противоречит здравому смыслу; что человек находится под стражей, в определенном режиме, который он обязан соблюдать; что следственный изолятор – это учреждение уголовно-исполнительной системы, на которое распространяется большинство правил и положений о содержании лиц под стражей.

Тем не менее, при формальном прочтении уголовного закона можно его интерпретировать и таким образом: начало срока отбывания наказания в местах лишения свободы начинается с момента прибытия в исправительное учреждение, и нужно пробыть в нем не менее шести месяцев, пока осужденный получит право на перевод в колонию-поселение или на условно-досрочное освобождение. А срок, проведенный в СИЗО, как бы не считается. С моей точки зрения, это абсурд, либо неправильное применение закона, но, как показывает практика, именно так он и применяется.

И последнее. Вопрос малоизученности. По внутренним инструкциям уголовно-исполнительной системы для изучения осужденного, прибывшего в

исправительное учреждение, необходимо от трех до шести месяцев. А от «изученности» зависят поощрения, перевод в колонию-поселение, условно-досрочное освобождение, дополнительные свидания, передачи, отпуска осужденных и т.д.

При этом время, проведенное в СИЗО, не считается временем изучения, хотя, опять же, это учреждение одной и той же уголовно-исполнительной системы.

Ситуация становится еще более абсурдной, когда осужденный переводится из одного исправительного учреждения в другое того же вида и его заново начинают «изучать». По этой логике, любая смена руководства исправительного учреждения должна приводить к новому «изучению» личности осужденного, ведь новое начальство его не знает.

С учетом явной нехватки кадров в учреждениях уголовно-исполнительной системы, незначительном количестве психологов или социальных работников «изучение» осужденного производится достаточно формально.

Поэтому «изученность» – это просто нахождение в исправительном учреждении определенное время: от трех до шести месяцев. Раньше этого срока осужденный к лишению свободы считается малоизученным, независимо ни от каких обстоятельств. Эта практика и была применена в отношении известного издателя ряда газет Рамазана Есергеева.

Кстати, и я, читавший лекции в Павлодарском юридическом колледже, готовящем кадры для уголовно-исполнительной системы, бывший член Общественной палаты мажилиса парламента РК, бывший член ряда рабочих групп Министерства юстиции, в состав которого входит КУИС РК, бывший член Рабочей группы по рассмотрению фактов пыток при Уполномоченном по правам человека РК, которая посетила целый ряд исправительных учреждений, тоже оказался, по официальному письму руководства Комитета уголовно-исполнительной системы Восточно-Казахстанской области, «малоизученным».

Последнее, я думаю, уже без комментариев.

Евгений ЖОВТИС,

г. Усть-Каменогорск

Из зала суда

ЛИПОВЫЙ АДВОКАТ и профанация врача

В процессе по делу «Казатомпрома» на прошлой неделе произошли новые неожиданные повороты.

Во-первых, в зале суда появился кандидат медицинских наук, заместитель директора Института кардиологии в г. Алматы Владимир Бабарыгин. Его пригласила в Астану супруга экс-главы национальной компании Джамиля Джакишева и адвокат Нурлан Бейсекеев, чтобы он дал свое заключение о состоянии здоровья Мухтара Джакишева и подтвердил или опроверг версию ныне лечащего врача Галыма Калиева о симуляции подсудимым высокого давления.

Как уже сообщалось, методы лечения, применяемые к Мухтару Джакишеву, пока не эффективны. Более того, состояние здоровья главного фигуранта уголовного дела ухудшается. Последний консилиум врачей установил четвертую степень риска при третьей степени гипертонического криза. Как говорится, дальше некуда.

Изучив имеющиеся у него документы, в зале суда врач-кардиолог из Алматы объяснил, что требуется новое обследование, которое может быть проведено в условиях стационара, и что требуется немедленное изменение курса лечения. Г-н Бабарыгин также высказал недоумение по поводу позиции врача Калиева. По его мнению, если он не справляется с лечением, то должен отказаться от своего пациента.

Что же касается симуляции высокого давления, которой Мухтар Джакишев якобы добивается путем пресса брюшной полости, то иначе как полной профанацией версию г-на Калиева назвать нельзя. По мнению Владимира Бабарыгина, данная версия не имеет под собой никакого научного обоснования. Нет ни одного научного исследования, которое доказывало бы, что возможно поднимать столь высокое давление, как у Мухтара Джакишева, на длительное время путем напряжения. Мнение своего коллеги врач Калиев слушал в зале суда с опущенной головой.

Адвокат Нурлан Бейсекеев ходатайствовал о приобщении к материалам дела письменного заключения ученого-кардиолога Владимира Бабарыгина.

Во-вторых, лопнуло утверждение адвоката Болат Исатаева (*на фото*), которого назначил Мухтару Джакишеву КНБ, о том, что у него имеется допуск к секретным материалам дела, расследуемого в суде № 2 Сары-Аркинского района. На запрос Нурлана Бейсекеева от Администратора судов г.Астаны пришел ответ: адвокат Болат Исатаев допуска к государственным секретам не получал и никогда не обращался за ним.

По словам Н.Бейсекеева, у него имеются и другие документы, свидетельствующие о незаконности допуска Исатаева в качестве защитника Мухтара Джакишева. В частности, он упомянул о том, что располагает документами из столичного Департамента юстиции, который на момент предварительного следствия осуществлял оформление допусков для адвокатов города Астаны. «Из сообщения Департамента юстиции четко следует, что ранее заключенные договоры на допуск к государственным секретам с адвокатами Астаны расторгнуты. В числе пятнадцати адвокатов, которые имели допуск к подобного рода делам, фамилия Исатаева не значится», – сообщил г-н Бейсекеев.

В связи с этим вызывает недоумение упорство, с которым адвокат Исатаев «цепляется» за дело и даже заявляет в суде о том, что, коль он назначен государством, то требуется оплата его труда. В ответ на это Мухтар Джакишев в очередной раз заявил суду об отстранении Исатаева от участия в судебном процессе. Деньги налогоплательщиков целее будут.

Кроме того, Ахан Байканов, адвокат другого подсудимого – телохранителя Талгата Кыстаубаева, сообщил журналистам, что уже допрошено около 80 процентов свидетелей по делу его подзащитного. Однако, кто эти свидетели, какие показания они дают, неизвестно. Разглашать эти сведения адвокаты не имеют права, так как дело проходит в режиме строжайшей секретности.

Жумабике ЖУНУСОВА,
«D»